

АЛИСА ЯСНОВА

Любовь, по остаточному принципу

18+

Алиса Яснова

Любовь, по остаточному принципу

«Автор»

2026

Яснова А.

Любовь, по остаточному принципу / А. Яснова — «Автор», 2026

После смерти женщины, которую Саша когда-то не смог выбрать, ему кажется, что вместе с ней из него вырвали душу. Рядом остаётся другая — живая, терпеливая, с маленькой собакой и привычным вопросом: «Как ты?» Проходят годы, прежде чем Саша замечает: пока он учился жить с потерей, кто-то рядом учился жить на остатках его любви. «Любовь, по остаточному принципу» — рассказ о памяти, горе и о том, как легко превратить умершего человека в вечную любовь, а живого — в часть собственной боли.

© Яснова А., 2026

© Автор, 2026

Алиса Яснова

Любовь, по остаточному принципу

Любовь, по остаточному принципу

Алиса Яснова

Я пришёл домой около трёх.

Кажется.

В последнее время у меня всё было «кажется».

Кажется, мы были в караоке. Кажется, с друзьями. Кажется, я опять много пил. Кажется, даже веселился — в телефоне осталось несколько фотографий, на которых я выглядел вполне счастливым человеком.

Ещё я пел.

«Она вернётся».

Эту песню я всегда выбирал сам.

Друзья уже перестали переглядываться. Раньше кто-нибудь обязательно пытался отобрать микрофон или заказать что-нибудь повеселее.

Потом поняли: бесполезно.

Она не вернётся, конечно.

Она умерла.

Но это совершенно не мешало мне раз в несколько недель вставать перед экраном с бегущими строчками и орать в микрофон, что она вернётся.

Я долго не мог попасть ключом в замочную скважину. Наконец дверь открылась.

В прихожей было темно.

— Я дома.

Никто не ответил.

Я позвал её.

Не женщину.

Собаку.

Первой я позвал собаку.

Это тоже, наверное, что-то обо мне говорит.

Обычно она не спала.

Не потому, что контролировала меня. Никогда не спрашивала, где я был, с кем, почему так поздно. Могла сидеть на кухне с телефоном, читать в кровати или заснуть на диване рядом со своей маленькой собакой.

Но когда я возвращался, обязательно поднимала голову:

— Как ты?

Не «где ты был».

Не «ты видел время?»

Не «сколько можно?»

Как ты?

Удивительный вопрос.

Особенно если несколько лет подряд отвечать на него про другую женщину.

На кухне никого не было.

Я заглянул в спальню.

Половина шкафа была пустой.

Сначала я этого даже не понял. Стоял и смотрел на вешалки. Потом увидел коробки. Две закрытые, третья у стены. В ней лежали моя старая толстовка, зарядка от давно разбитого телефона и книга, которую никто из нас так и не дочитал.

На тумбочке не было её крема.

Вот тогда я понял.

Не из-за шкафа.

Из-за маленькой белой банки, которая всегда стояла возле кровати.

Странно устроена потеря. Человек может исчезнуть целиком, а замечаешь это по крему.

Я достал телефон.

Сообщение пришло в 22:17.

Остальное заберу позже.

И всё.

Я перечитал.

Потом ещё раз.

Мне почему-то казалось, что ниже должно быть что-то ещё.

Хотя бы привычное:

Как ты?

Но этого не было.

Я сел на кровать.

Мне стало очень жалко себя.

Это чувство я знал прекрасно.

Мне плохо. Мне одиноко. Меня бросили. Я вернулся в пустую квартиру в три часа ночи, пьяный, с сорванным голосом после песни о женщине, которая никогда не вернётся, а женщина, которая всё это время ждала меня здесь, почему-то не захотела подождать ещё.

Эгоистка.

Я даже произнёс:

— Эгоистка.

И засмеялся.

Получилось настолько хорошо, что хоть записывай.

Она ведь знала всё.

Ещё когда ты была жива.

Про наши туры.

Про картины.

Про сердце.

Про твоё «навсегда».

Про звонки.

Про кофе.

Про театр.

Вы даже знали друг друга. Не близко. Достаточно, чтобы не переносить друг друга.

А потом она была рядом, когда ты умерла.

После тебя мне казалось, что из меня вырвали душу.

А остальное оставили.

Тело.

Работу.

Квартиру.

Женщину.

Собаку.

Всё функционировало.

Только я почему-то считал это остатками жизни.

Слушала про похороны.
Про могилу, которая однажды сгорела.
Про то, как мы тогда шутили, что ты просто захотела согреться.
Господи, какая страшная была шутка.
И как мы смеялись.
Она всё это слушала.
Потом ставила передо мной тарелку.
Ложилась со мной в постель.
Иногда мы трахались.
Иногда — с лёгким вкусом отчаяния.
Иногда потому, что так было надо.
Иногда со злостью, будто телом можно было стереть всё остальное.
Не получалось.
Утром она готовила завтрак.
Вечером снова спрашивала:
— Как ты?
И я отвечал.
Только сейчас, сидя перед пустой половиной шкафа, я впервые подумал:
А как была она?
Не как я.
Она.

Каково это — жить с человеком, у которого главное место в жизни уже занято мёртвой женщиной?

Сколько любви ей вообще оставалось?

Половина?

Четверть?

То, что не ушло на воспоминания, кладбище, стихи, караоке и моё бесконечное «если бы»?

И была ли там вообще любовь?

Или я просто не хотел приходить в пустой дом?

Хотел, чтобы где-то в темноте обязательно был человек, который услышит ключ в замке и спросит:

— Как ты?

Называл это любовью. Хотя называл ли? Не помню, говорил ли я ей, что люблю. Может, это считалось свойством по умолчанию: прихожу домой, ложусь с ней в одну постель — значит, люблю.

А она называла это любовью по остаточному принципу.

Я познакомился с тобой летом.

В тот год я почему-то решил, что буду инструктором по туризму.

Сейчас это звучит примерно так же разумно, как «однажды я решил стать нейрохирургом», но тогда всё казалось логичным.

Я любил путешествия. Немного экстрима. Горы. Море. Мне нравилось чувствовать ответственность, особенно пока никто не успел объяснить, насколько она серьёзная.

К тому же я остался без работы.

А без работы мне быстро становилось скучно.

Окончил какие-то курсы и устроился в компанию водить туристические группы.

Туристы были особой разновидностью людей.

Не альпинисты.

Не скалолазы.

Не спортсмены.

Обычные люди, которые в субботу утром внезапно решали преодолеть себя, а через два часа спрашивали:

— Саша, ещё далеко?

Моя работа состояла в том, чтобы отвечать:

— Да тут осталось совсем немного. Два шага — и вы на вершине мира.

Независимо от того, сколько оставалось.

Проследить, чтобы никто не убился.

Дотащить всех обратно.

Сделать фотографии.

А в конце выслушать:

— Какой замечательный был маршрут. Саша, спасибо.

В один из таких туров пришла ты.

Я тебя не запомнил.

Ты потом страшно на это обижалась.

— Вообще?

— Вообще.

— Даже не заметил?

— Наверное, заметил.

— Это не считается.

Зато прекрасно запомнил твою подругу.

Она была яркая, бойкая, наглая. Из тех женщин, присутствие которых замечаешь ещё до того, как они войдут в комнату.

А тебя — нет.

Позже ты сказала, что увидела меня в тот день и сразу поняла: вот он.

Тот, кого ты искала всю жизнь.

Я смеялся.

Ты нет.

После этого ты стала приходить почти в каждый мой тур. Неважно, что это было: горы, сплав по реке, прогулка под парусом.

В субботу я открывал список группы — твоя фамилия.

Через неделю — опять.

Потом ещё.

— Ты когда-нибудь дома сидишь?

— Зачем?

— Иногда люди отдыхают.

— Я и отдыхаю.

— Ты восемнадцать километров сегодня прошла.

— И?

Ты действительно не понимала вопроса.

Жить тебе нравилось с каким-то неприличным аппетитом.

Если начинался дождь — прекрасно. Капли стекали по волосам, по лицу, одежда прилипла к телу, а ты стояла довольная, будто дождь придумали специально для тебя.

Если туман закрывал вид, ради которого мы тащились несколько часов, туристы матерились, а ты фотографировала туман, чтобы потом его написать.

Если мы выходили к морю, ты обязательно останавливалась.

Все уже доставали телефоны, выбирали ракурс, лезли на камни, а ты просто стояла и смотрела. Вдыхала.

Будто увидеть тебе было мало.
Надо было запомнить. Запечатлеть.
Тогда я ещё не понимал, зачем ты так жадно запоминаешь мир.
Руки твои я тоже заметил не сразу.

Пальцы были тонкие-тонкие, почти прозрачные, иногда чуть синеватые.
Однажды спросил:

— Замёрзла?

— Нет.

— Руки синие.

Ты спрятала их в карманы.

— Это нормально.

— Для кого?

— Для меня.

И улыбнулась.

Вот и весь разговор.

О диагнозе я узнал гораздо позже.

Хотя всё было перед глазами.

Ты иногда останавливалась на подъёме и делала вид, что любишь вид.

Сидела у костра раньше остальных.

После маршрута становилась почти белой.

Я всё это замечал.

Просто не хотел складывать в одно.

* * *

На людях тебя было много.

Слишком много.

Ты говорила, смеялась, спорила, восхищалась, рассказывала истории. За полчаса могла познакомиться со всей группой и узнать, кто откуда приехал, у кого сколько детей и почему мужчина в красной куртке второй год собирается развестись.

— Откуда ты всё это знаешь?

— Люди рассказывают.

— Мне не рассказывают.

— Ты не спрашиваешь.

Наверное, так и было.

Я много разговаривал с людьми, но это была работа.

Хороший гид должен немного быть актёром. Рассмешить, когда устали. Успокоить, когда страшно. Подать руку. Запомнить имя. Дать человеку ощущение, что именно его ты заметил среди двадцати остальных.

Я умел.

Наверное, поэтому ты и решила, что я особенный.

А я просто хорошо делал свою работу.

Мне эта мысль нравилась.

С ней получалось, что я вообще ни при чём.

* * *

Осенью ты сказала, что я тебе снился.

Мы сидели в кофейне. Ты размешивала сахар, хотя он давно растворился. Как-то незаметно для себя я вообще стал ходить с тобой в кафе.

— До того похода, — сказала ты.

— Что до похода?

— Ты мне снился.

— Я?

— Ты.

— Лично?

— Представляешь.

— Документы проверяла?

Ты засмеялась.

— Дурак.

— Мало ли. Может, похожий.

— Нет. Именно ты.

— И что я делал?

Ты задумалась.

— Был.

— Насыщенный сон.

— Ты не понимаешь.

— Видимо.

Ты положила ложку.

— Я много лет видела одного и того же человека. Не лицо даже. Просто знала, какой он. Как смеётся. Как смотрит. Как двигается. Иногда просыпалась и думала, что где-то есть человек, которого я почему-то помню, хотя никогда не встречала.

— Психотерапевту рассказывала?

Ты опять засмеялась.

Мне нравилось тебя смешить.

Наверное, сначала именно это мне и нравилось.

— А потом увидела тебя, — сказала ты.

— И?

— Узнала.

Я хотел пошутить.

Не пошутил.

Тебе давно было не восемнадцать. Ты была взрослой женщиной. Умной. Талантливой. Писала стихи, рисовала картины и прекрасно понимала, насколько нелепо звучит история про человека из сна.

Но тебе было всё равно.

Ты верила.

Не в сон.

В меня. И рядом с тобой я сам начинал казаться себе лучше, чем был.

* * *

Я не влюбился в тебя тогда.

Вот это важно.

Сейчас очень хочется переписать собственную жизнь. Сделать красивее.

Сказать: я увидел тебя — и всё понял. Ты мне тоже снилась. Я тоже узнал.

Синие глаза. Костёр. Море. Песни под луной. Тонкие пальцы. Тонкая ты — как пламя на ветру. Кажется, ещё секунда — и рассыплешься искрами.

Хотел бы. Увидел. Понял. И пропал.

Нет.

Ты пропала.

Я — нет.

У меня была жена.

Хорошая.

Даже не так.

Почти идеальная.

Та самая женщина, про которую знакомые мужчины говорят:

— Тебе повезло.

Красивая. Умная. Спокойная. Понимающая.

Очень многое понимающая.

У нас был дом.

Была жизнь.

Было то устойчивое взрослое счастье, которое совершенно не похоже на кино и именно поэтому особенно страшно разрушать.

У нас было «мы».

А потом появилась ты.

Не как любовь.

Как наваждение.

Как омут.

Только омут почему-то принято представлять чёрным.

Ты не была тёмной.

Ты затягивала светом.

* * *

Лето закончилось.

Туры почти закончились вместе с ним.

Я думал, закончишься и ты.

Люди из туристических групп быстро исчезают. Ещё несколько месяцев пишут, присылают фотографии, обещают обязательно сходить куда-нибудь снова.

Потом жизнь забирает их обратно.

Ты почему-то не исчезла.

Мы переписывались.

О чём — не помню.

Это самое обидное.

Я помню твою кружку.

Как ты откусывала шоколад.

Родинку возле ключицы.

Как один носок у тебя постоянно сползал.

Запах волос после дождя.

А о чём мы говорили в те месяцы, когда ещё могли не стать друг для друга катастрофой, — не помню.

Потом ты попросила сфотографировать картины.

Вот это я помню.

У тебя дома было слишком много цвета.

Картины висели на стенах, стояли возле стен, лежали одна за другой. Какие-то законченные, какие-то нет.

Среди них была одна, которую ты назвала «Влюблённые».

Наивная живопись. Почти детская.

Две фигуры угадывались только в общих очертаниях.

Я узнал нас.

Себя — сразу.

Тебя — чуть позже.

Ты стояла у меня за плечом.

Не обнимала.

Даже не касалась.

Я смотрел куда-то вперёд.
Ты — вниз, почти в землю.
— Это мы? — спросил я.
Ты удивилась:
— А кто же ещё?
Я не спросил, почему ты нарисовала нас именно так.
Тогда мне это даже не показалось странным.
Мы же были влюблёнными.
Так называлась картина.
Только много лет спустя я заметил очевидное.
Ты стояла за мной.
А я на тебя даже не смотрел.
Я устанавливал свет.
Двигал холсты.
Проверял блики.
Ворчал про цветопередачу.
Ты сидела рядом и смотрела.
Не на картины.
На меня.
— Не смотри так.
— Как?
— Вот так.
— Я ничего не делаю.
— Именно.
Есть старая глупость, что фотография крадёт душу.
Я никогда в это не верил.
Если бы фотоаппарат действительно крал души, фотографы были бы самыми богатыми людьми на свете.
У нас их лежали бы тысячи на жёстких дисках.
RAW.
JPEG.
Душа_финал.
Душа_финал_2.
Душа_финал_точно.
Но в тот день всё получилось наоборот.
Я пришёл фотографировать твои картины.
А душу украли у меня.
Наверное, потому, что впервые я увидел тебя без той громкости, которой ты защищалась от мира.
На людях ты была ураганом.
В картинах — маленькой девочкой.
Хрупкой.
Домашней.
Такой, которую хотелось закрыть руками от всего мира и сказать:
теперь я здесь.
Я защищу.
Опасное чувство для женатого мужчины.
Особенно если женщина напротив уже решила, что ты — любовь всей её жизни.

* * *

Я не помню нашего первого поцелуя.

Ты бы сейчас рассердилась.

Ты всегда сердилась, когда выяснялось, что я не помню то, что для тебя было священным.

— Как можно этого не помнить?

Можно.

Я был живой.

Мне казалось, впереди ещё тысячи поцелуев.

Наверное, я просто не запоминал то, чего, как мне казалось, впереди ещё сколько угодно.

Зато я помню твои прикосновения.

Ты касалась меня так осторожно, словно хрустальным был я.

Не ты.

Я.

Будто я был сновидением, которое наконец сбылось, но стоило нажать пальцем чуть сильнее — и оно рассыплется.

Ещё миллиметр.

Всего миллиметр между кожей и кожей.

И мечта станет тысячей прозрачных осколков.

Вот так ты меня любила.

А я позволял.

* * *

Про сердце ты рассказала буднично.

Мы лежали в твоей белой квартире.

Кровать стояла под балдахином — почти как у принцессы. Полупрозрачная ткань рассеивала солнце, и кожа у тебя в этом свете тоже казалась почти прозрачной.

Напротив стоял мольберт. Рядом — какие-то твои слова про любовь.

Вообще любовь у тебя была повсюду.

На холстах.

В записках.

В разговорах.

В том, как ты на меня смотрела.

Просыпаясь у тебя, я первым делом видел любовь.

Наверное, её было слишком много для человека, который всё ещё собирался ничего не решать.

Ты водила пальцем по моей груди.

— Я раньше тебя умру.

Я засмеялся.

— Спасибо. Отличный момент.

— Я серьёзно.

— А я нет.

— Саша.

— Что?

Ты приподнялась.

— Я правда раньше тебя умру.

— Все когда-нибудь умрут.

— У меня сердце.

— У всех сердце.

— У меня другое.

И тогда ты рассказала.

Диагноз.

Операции.

Врачи.

Ограничения.

Риски.

Какие-то цифры, которые я сразу забыл.

Ты жила с этим давно.

Наверное, поэтому так отчаянно хотела жить.

Не существовать.

Жить.

Ехать.

Рисовать.

Любить.

Лезть в гору, куда тебе, возможно, вообще не стоило лезть.

Петь возле костра.

Влюбляться в женатого инструктора по туризму.

Делать всё то, на что люди с совершенно исправным сердцем почему-то откладывают жизнь.

— И сколько? — спросил я.

— Что сколько?

Я не договорил.

Ты поняла.

— Не знаю.

— Врачи что говорят?

— Врачи много чего говорят.

— А ты?

Ты снова положила голову мне на грудь.

— А я буду жить.

Через несколько секунд добавила:

— С тобой.

— Это ещё почему?

— Потому что мы навсегда.

— Кто решил?

— Я.

— Очень демократично.

— Тебя всё равно никто не спрашивает.

Мы засмеялись.

Я тебе не поверил.

Ни в то, что ты умрёшь раньше меня.

Ни в то, что мы навсегда.

Ты оказалась права в обоих случаях.

* * *

Потом я наигрался.

Сейчас это слово кажется чудовищным.

Но другого у меня нет.

Наигрался.

Твоя любовь, которая сначала казалась невероятной, стала слишком большой.

Липкой.

Удушающей.

Ты хотела будущего.

А у меня уже было настоящее.
Жена.
Дом.
Привычная жизнь.
Ты хотела, чтобы я выбрал.
А я хотел, чтобы выбирать не пришлось.
Это я умел лучше всего:
ничего не решать и ждать, пока оно как-нибудь решится без меня.
Я не хотел разводиться.
Не хотел потерять тебя.
Не хотел причинять боль жене.
Не хотел причинять боль тебе.
То есть хотел невозможного: чтобы боль досталась кому-нибудь другому.
Она досталась всем.
Ты говорила о ребёнке.
А я смотрел на твои тонкие пальцы и думал о сердце.
О больнице.
О врачах.
О том, что однажды мне придётся стоять возле кровати и смотреть, как человек, которого
я хотел защищать, умирает.
Я боялся, что ты умрёшь у меня на руках.
Поэтому сделал всё, чтобы тебя рядом не было.
Очень разумно.
Ты всё равно умерла.
А меня рядом всё равно не оказалось.
* * *
Только закончить всё у нас не получилось.
Я пытался назвать это расставанием.
Ты — нет.
Ты продолжала звонить.
— Кофе?
— Не могу.
— Театр?
— Не сегодня.
— Кино?
— У меня дела.
Иногда я соглашался.
Иногда не отвечал.
Иногда отвечал через два дня, будто двух дней достаточно, чтобы человек перестал
ждать.
Ты всё ещё говорила «мы».
Я всё чаще говорил «ты» и «я».
Но ни один из нас не произносил слова «конец» так, чтобы оно действительно что-нибудь
закончило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.